

прослеживается эволюция в плане отношения текста к документу: если у Достоевского присутствует фиктивный издатель найденных воспоминаний, чем создается эффект достоверности, то у Шаламова представлена «проза, выстраданная как документ». И, наконец, в-третьих, если субъектом повествования в «Записках» является человек, то в «Колымских рассказах», по замыслу автора, повествует словно сама жизнь, ведь «Бог умер. Почему же искусство должно жить?» [4].

-
1. Письмо Ф. М. Достоевского Н. Н. Страхову 1863 г. // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб., 1996. Т. 15: Письма 1834–1881 гг.
 2. Письмо В. Т. Шаламова Г. Г. Демидову, 1965 г. // Шаламов В. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/72.htm>
 3. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985.
 4. Письмо В. Т. Шаламова И. П. Сиротинской // Шаламов В. Новая книга.
 5. Письмо В. Т. Шаламова А. А. Кременскому // Шаламов В. Новая книга.
 6. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 3. Л., 1988.
 7. Шаламов В. Т. Колымские рассказы. М., 2007.
 8. Письмо В. Т. Шаламова А. И. Солженицыну // Шаламов В. Новая книга.

Т. И. Зайцева
г. Ижевск

Роман удмуртского писателя Г. Красильникова «Начало года» в восприятии критики*

В перечне писательских имен, представляющих удмуртскую литературу 1950–1970-х годов, выделяется имя Г. Красильникова (1928–1975). Сегодня широко цитируются слова известного венгерского финно-угроведа Петера Домокоша о том, что «Красильников наиболее европейский удмуртский писатель, пишет профессионально, удмуртская проза благодаря ему стала взрослой, зрелой. Образованность и талант вместе подняли его в высший класс литературы. <...> Его образы и характеры

* Исследование выполнено в русле комплексного интеграционного проекта УрО РАН «Пути развития пермских литератур в общероссийском историко-культурном контексте: XVIII – начало XX в.».

© Зайцева Т. И., 2009

достоверны, сложны, его нельзя обвинить в негибкости, применении черно-белых красок. <...> На произведениях Красильникова читатель может убедиться в том, что удмуртская литература сегодня уже не экзотика, а сознательное и высокоразвитое искусство слова, которое добивается цели, по словам героя романа, сделать народ культурным и цивилизованным» [1, с. 354]. Критик приводит слова героя романа Г. Красильникова «Начало года» доктора Соснова.

Роман «Начало года» посвящен жизни врачей и работников районной больницы. В тщательно выписанных писателем образах врачей обрела художественное воплощение проблема репрессий национальной удмуртской интеллигенции в годы культа личности. В романе «Начало года» впервые в удмуртской литературе добро и зло предстают в образах двух главных героев, воспроизведенных с одинаковой художественной силой. Это шестидесятилетний главный врач районной больницы Алексей Петрович Соснов, сумевший в годы революции и Гражданской войны, в тяжелых испытаниях сталинских концлагерей и в последующий период тоталитарного режима сохранить в себе человеческое достоинство, и молодой хирург Георгий Ильич Световидов, отец которого был объявлен предателем по причине того, что без вести пропал на войне. Жизнь сына «изменника Родины», «врага народа» не сломила Световидова, но постоянная борьба за выживание с раннего детства выработала в нем качества крайнего индивидуалиста. Световидов установил для себя принципы: «...место в жизни придется брать с бою, добиваться самому. Любыми путями, всеми средствами... <...> ...у него уже был составлен для себя некий кодекс поведения в обществе, который в сжатом виде сводился к следующему: не следует спешить прыгать в огонь, ибо всегда найдутся люди, готовые вперед тебя полезть в самое пекло; укуси спящего ближнего, иначе он проснется и укусит тебя» [2, с. 69].

Образ Соснова создавался писателем в полемике с традиционным образом положительного героя удмуртской литературы. Доктор Соснов оперирует бывшего палача сталинских органов Матвеева и спасает жизнь человеку, по доносу которого был репрессирован. Соснов возвращает к жизни Матвеева дважды: на поле боя Гражданской войны и теперь – в атабаевской районной больнице. В финале романа Соснов умирает; смертельно больной Матвеев выживает, а упоенный собственной славой Световидов переводится на другую работу, напоследок произнесая на могиле своего оппонента «торжественную» речь.

Такое художественное решение писателем проблемы противоборства добра и зла многими его современниками не было принято и понято.

Выход в свет романа «Начало года» датируется 1965 годом. Непосредственных отзывов-статей, отзывов-рецензий профессиональных критиков и литературоведов, которые бы появились сразу же вслед за романом, в библиографических указателях не имеется. Можно предположить, что и читатель, и критик, привыкшие к присутствию в произведении автора с его явными симпатиями и антипатиями, были немало озабочены и растеряны романом «Начало года». Система характеров, круг идей и настроений нового произведения не находили прямого соответствия в художественных исканиях удмуртской литературы тех лет.

Временем активного обращения литературно-критической мысли к осмыслению романа «Начало года» явилась лишь вторая половина 1970-х годов. Образ Соснова оценивался в тех художественных параметрах, от которых хотел уйти автор. Роман «Начало года» был воспринят большей частью критиков и литературоведов прежде всего как выражение философских убеждений самого Красильникова. Стремление писателя не быть навязчивым, предоставить читателю право судить о событиях и характерах романа без прямой подсказки автора воспринималось как идейно-художественный изъян. Критика упрекала автора за отсутствие у героя четких моральных критериев, за неясность его позиции. Прочтение романа «Начало года» в свете категорий «положительного» и «отрицательного», оценка доктора Соснова как героя «уязвимого» являются доминирующими в критическом восприятии того периода. Например, А. Ермолаев писал, что «... смиренческая философия Соснова пугает нас беспомощностью перед подлостью. <...> Его доброта в итоге оказывается слабее матвеевско-световидовского зла» [3]. Или: «Соснов готов жить при коммунизме. Жить, но не строить его. Чтобы стать строителем коммунизма, недостаточно быть просто хорошим человеком. Надо уметь бороться за коммунистические идеалы, надо быть борцом. Соснов деликатен и мягок настолько, что подлецам рядом с ним живет привольно и вольготно» [4]. Неудовлетворенность образом Соснова была высказана и авторитетным удмуртским критиком Ф. Ермаковым: «Философия Соснова является ничем иным, как оправданием произвола карьеристов, в борьбе с которыми герой оказывается весьма инертным и пассивным. Поэтому и благоденствует в больнице молодой специалист Световидов, карьерист и демагог, мечтающий стать главным врачом вместо Соснова» [5, с. 127].

Можно привести еще одну цитату, отражающую мировосприятие и ценностные ориентиры тех лет: «Красильников показывает, как отступление от кодекса коммунистической морали неизбежно приводит челове-

ка к конфликту с обществом. В столкновении сначала внутреннем, затем открытом – Соснова и Световидова – выразились важные общественные тенденции» [6, с. 194].

Сегодня совершенно очевидно, что художественный мир романа Красильникова многозначнее выводов, которые извлекала из него критика. Однако эти цитаты, отражая реальность, на фоне которой развивалась национальная литература указанных лет, наглядно показывают то, как медленно осваивала критика эстетические критерии подхода к литературному произведению. «Перекосы» в оценке произведения начинались с того, что герой изымался из художественного мира и переносился в реальную действительность, нравственная позиция литературного героя напрямую сопрягалась с идеологическими установками государства.

Следующее поколение удмуртских критиков и литературоведов углубило и расширило трактовку образов ведущих героев и содержания конфликта романа «Начало года». Прозвучала оценка конфликта романа как борения, сопоставления, взаимодействия идей, а не противопоставления героев, были актуализированы споры и внутренние монологи героев о долге, чести, совести, служебной карьере и т. д. В оценках романа на первый план выходит разговор не столько о социальных проблемах общества и связанных с ними мировоззренческих взглядах автора, сколько об эстетических критериях произведения и его художественных особенностях [см.: 7, с. 67–72; 8, с. 124–144; 9]. Для этих работ характерен обстоятельный анализ проблематики романа с точки зрения проблемы гуманизма и национальной художественной традиции.

В последние годы, к сожалению, в нашем литературоведении появилась склонность рассматривать литературное произведение вне исторического контекста времени, в котором оно создавалось. К примеру, высказана точка зрения, согласно которой образ Соснова прочитывается в свете христианской веры, что по-своему отражает тенденцию поисков нравственных ценностей многими представителями удмуртской интеллигенции в православной религии. Соснов, оцениваемый как носитель идеи «милосердия, нравственного совершенства, всепрощения, жертвенной любви» [10, с. 307], в данном случае получает «библейское» толкование. При таком религиозном подходе к герою романа происходит нивелировка различий христианского миропонимания и постулатов гуманизма. Соснов – сложный характер и сложный образ, воплощающий в себе дореволюционные традиции русской демократической интеллигенции, связанные, в том числе, и с верой. Однако жизнь и деятельность Соснова не позволяют судить о нем как о литературном герое, стремящемся

«усовершенствовать “внутреннего человека”, сохранить в себе лик Божий, приблизиться к идеалу – Иисусу Христу, построить жизнь по его заповедям» [11]. Деятельность Соснова направлена не на приближение к идеалу святости, не на познание Бога, не на свое душевное устройство, а на благоустройство социалистического общества, совершенствование человеческих отношений в трудовом коллективе.

Создавая облик ведущего героя своего главного романа, Г. Красильников стремился, прежде всего, за гранями его природы увидеть черты «национальной биографии» народа, показать неугасимость созидательных сил нации. Соснов – герой своего времени, его самоотверженность определена конкретно-историческими условиями, он дает нам типичный, обобщенный образ. Говоря об истоках образа врача Соснова у Г. Красильникова, необходимо учитывать, что в нем автор «соединил черты реально существовавших людей – двух старых фельдшеров и учителя» [12]. Сестра писателя М. Д. Ишматова считает, что более всего в Соснове воплощена трагическая судьба первой удмуртской поэтессы, врача Ашалычи Оки (Лины Григорьевны Векшиной (1898–1973)), подвергшейся сталинским репрессиям. Образом Алексея Соснова писатель возрождает сложившиеся издревле в национальном мире отношения между людьми, которые вследствие известных исторических потрясений были разрушены. Будущее своего народа он видит на пути гуманизма, то есть не вражды и мести, но любви и милосердия. При этом писателем усвоено моральное, но внецерковное понимание нравственных ценностей.

Многие удмуртские критики говорили также о том, что достоинство романа заключается в обличении бесчеловечной морали индивидуалиста Световидова. Между тем, в фокусе авторского внимания, наряду с критикой психологии индивидуалиста и его пороков, есть и нечто иное, поскольку с восприятием личности Световидова связан не только отрицательный заряд. У читателя не могут не вызвать сочувствия настойчивость Световидова в борьбе за достижение поставленной цели, профессионализм, эрудиция, проницательность в оценках окружающих явлений и людей и т. п. В иронических и скептических рассуждениях Световидова есть и изрядная доля истины: это размышления о свободе личности, о том, что диктат коллектива нивелирует человека, что интеллигенция – люди в нашей стране бесправные и прочее.

Световидов выполняет свой служебный долг, но до известных пределов. Он оберегает себя, отрицает необходимость врачевательства-подвижничества. Отношение Световидова к долгу, к науке, к работе, к своему положению в коллективе, его стремление к независимости сложны и

своеобразны. В лице Световидова предстает новый образ, столь не похожий на традиционных отрицательных героев в удмуртской литературе. Герой сам задается вопросом и ставит его перед нами – а необходима ли жертвенность вообще, и особенно в тех случаях, когда этого, собственно, и не требуется? Писатель пытается показать нам внутренний мир интеллектуала, разгадать тайну бытия индивидуалиста. Герой выступает зеркалом целой эпохи, будучи и ее жертвой, и носителем ее зла. Заслуга писателя в том, что он верно выразил жизненный социально-психологический конфликт, подметил незащищенность уходящих Сосновых и противоречивые черты во многом еще не разгаданных Световидовых. В романе проступает чувство тревоги не только за судьбу человека, но и за судьбу народа.

Таким образом, воспроизводя в романе «Начало года» традиционный конфликт, воссоздающий противостояние двух героев, Г. Красильников пошел новым путем. Как правило, по отношению к отрицательному персонажу техника углубленного психологизма удмуртскими писателями в те годы не применялась. Красильников же с одинаковым вниманием следит за переживаниями, мыслями, внутренней жизнью обоих героев. О такой позиции писал Чехов: «...говорить и думать в... тоне и чувствовать... в духе своих героев, не подменяя их позиций своей “субъективностью”» [13, с. 54].

Конфликт романа проявляется и через образ другого молодого героя – врача Фаины, любовницы Световидова. В системе персонажей романа Фаина занимает особое место. Она показана в трудном самоопределении – от неприятия Соснова до постепенного разрыва со Световидовым и понимания в конце концов культуры врачевания Соснова. Сюжет «треугольника» в романе Г. Красильникова наполнен абсолютно иным содержанием, отличным от традиционного. Он порождает целый ряд вопросов: станет ли Фаина другой? Продолжит ли дело Соснова? У Красильникова все очень непросто: Фаина ждет от Световидова ребенка. Финал романа оставляет проблему неразрешенной, открытой, конфликт вынесен за границы сюжетного времени произведения. Оставляя финалы своих произведений разомкнутыми, Г. Красильников распахивал их в жизнь, демонстрируя тем самым ее неисчерпаемость, многомерность. Одновременно он полемизировал с теми писателями, в чьих произведениях все проблемы сводились к благополучному разрешению. Органический сплав мысли и характера, доверие к творческой активности читателя – вот что определяет своеобразие эстетики романа «Начало года».

В центре романа – спор о высшей нравственности врача. Писатель отходит от прямых характеристик героя и ищет сложно-опосредованные приемы изображения жизни человеческой души. Образ Соснова создается здесь путем сложного, разбросанного по тексту психологического рисунка, компонентами которого выступает вся сумма взаимосвязанных между собой проявлений и выражений человеческого характера.

На всем протяжении романа Соснов остается до конца не раскрытым, не разгаданным. Первоначальная аттестация героя как сурового, не разбирающегося в людях пожилого врача в течение всего романа опровергается косвенными свидетельствами разных персонажей, раскрывающими нам человека, несущего в себе лучшие нравственные и моральные качества своего народа: ранимость души, скромность, застенчивость, умение жалеть и беречь других. В образе Соснова сосредоточена национальная концепция народного жизнепорядка: человек обязан блюсти свой долг перед предками и потомками, творить добро, а не разжигать зло и месть.

-
1. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993.
 2. *Красильников Г. Д.* Начало года : роман / пер. с удм. автора. Ижевск, 1968.
 3. *Ермолаев А. А.* Внимание к личности // Счет предъявляет время : сб. лит.-критич. ст. Ижевск, 1977.
 4. *Кралина Н. П.* Современник и современность в удмуртской литературе // Счет предъявляет время.
 5. *Ермаков Ф. К.* Путь удмуртской прозы. Ижевск, 1975.
 6. *Богомолова З. А.* Песня под Чепцой и Камой. М., 1976.
 7. *Зайцева Т. И.* Идеал и реальность: герой и конфликт в художественной литературе народов Поволжья и Приуралья (50–80-е гг.) Ижевск, 1993.
 8. *Зуева А. С.* Поэтика удмуртского романа. Ижевск, 1984.
 9. *Федорова Л. П.* Прозаик – психолог // Красильников Г. Ненароком : роман, рассказы. Ижевск, 1998.
 10. *Зуева А. С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций. Ижевск, 1997.
 11. *Старыгина Н. Н.* Изображение идеалиста как человека переходного времени (роман Н. С. Лескова «На ножах») // Русский человек на изломе эпох в отечественной литературе: сб. ст. по материалам Междунар. лит.-образоват. форума. Киров, 2007.
 12. *Скопкарёва С. Л. Г.* Красильников и Д. Гранин: (К проблеме личности: Опыт типологического анализа) // Флор Васильев и современность : материалы научно-практич. конф. / Глазов. гос. пед. ин-т. Глазов, 2005.
 13. *Чехов. А. П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 6. М., 1949.